

Той самый громкий звук, раздавшийся мгновение назад, вовсе не принадлежал труп — это всего лишь человек, который не удержался на ногах и упал.

Однако в подобной обстановке любой шорох заставлял людей, чьи нервы и так были на пределе, реагировать болезненно остро. Все снова уставились на тело: покрывало с него было полностью сброшено, и пустые глазницы без зрачков впились в них мертвой хваткой, словно в следующую секунду покойник собирался вскочить и наброситься на них.

Мужчина крепкого телосложения толкнул стоявшего рядом человека:

— Иди накрой его обратно!

Тот в ужасе замотал головой и начал пятиться:

— Я... я не пойду туда.

Здоровяк не стал слушать отказов. Он схватил парня за шиворот, и его мышцы, вздувшиеся под одеждой, выглядели пугающе. Обладая немалой силой, он без труда оторвал мужчину от земли.

— Мне плевать, хочешь ты или нет, живо иди! — прорычал громила.

— Нет, отпусти меня, ты сам... а-а! — закричал мужчина, отчаянно размахивая конечностями в попытке вырваться.

Внезапно тот, кто только что отчаянно сопротивлялся, издал болезненный стон. Громила разжал руку, и бедолага, согнувшись, схватился за живот.

Здоровяк возвышался над ним подобно крепостной стене:

— Если не хочешь получить еще, немедленно иди туда!

Немного придя в себя, мужчина поднял взгляд на громилу и, подавленный его угрозами, медленно поднялся и побрел к трупу. Его ноги дрожали от страха, но он все же нашел в себе силы подобрать покрывало и трясущимися руками набросить его на тело.

Труп уже начал разлагаться, и стоило подойти ближе, как в нос ударил тошнотворный смрад. На изрытом язвами лице выделялись глаза, в которых не было ничего, кроме белков, устремленные прямо на него.

Как только мужчина опустил ткань, он почувствовал, как запястье обдало холодом, словно его схватили куском льда. Оцепенев, он опустил взгляд и, увидев сине-белую руку, закричал, пытаясь стряхнуть ее с себя. Но хватка была железной, запястье пронзила острая боль, и как бы он ни дергался, рука не разжималась.

Затем он увидел, как голова трупа дернулась, тело медленно приподнялось и, склонив голову набок, уставилось на него. Мужчина от ужаса рухнул на пол, лишь его рука все еще оставалась поднятой вверх.

Он с диким страхом смотрел на приближающийся труп и кричал:

— Помогите, спасите, я не хочу умирать... а-а-а!

Никто не осмелился прийти ему на помощь. Люди жались у входа в лифт, пытаясь вызвать кабину, которая никак не реагировала. Даже тот самый наглый здоровяк теперь дрожал и прятался в углу, выставив перед собой другого человека. Такие люди сильны только тогда, когда обижают слабых.

Раздался чавкающий звук, и крики мужчины постепенно стихли.

Линь Цинъюй внезапно о чем-то вспомнил. Он выпрямился и посмотрел на остальные тела, лежавшие на койках. Наблюдая за тем, как труп женщины продолжает медленно жевать, он бесшумно двинулся к ближайшим кроватям и совершил поступок, который поверг всех в шок.

Линь Цинъюй сорвал все покрывала с тел.

— Ты что творишь?!

— Ты хочешь, чтобы они все ожили и погубили нас?

Этот поступок дал перепуганным людям повод для негодования, и на мгновение они даже забыли о женщине-трупе. Линь Цинъюй слегка повернул голову, и холодное выражение его лица заставило их умолкнуть.

— Если не хотите стать следующим обедом этой твари, хлопните рты.

Женщина-труп все еще была занята своей добычей и, казалось, не спешила нападать на остальных. Линь Цинъюй не стал проверять ее состояние, обошел стороной и внимательно осмотрел все тела, но так и не нашел того, что искал.

Чжун Юнь, наблюдавшая за этим, вдруг что-то поняла. Она нерешительно произнесла:

— Если ты ищешь зрителя, то они обычно спят в специально отведенном месте. Я видела его в углу, недалеко от лифта.

Линь Цинъюй взглянул на нее и слегка кивнул в знак благодарности. Вскоре он подошел к указанному месту и действительно увидел фигуру, склонившую голову. Тело не двигалось, и было неизвестно, оживет ли оно так же внезапно, как женщина-труп. Однако все заметили висевшую на его поясе магнитную карту — ключ от лифта.

Линь Цинъюй остановился. Громила, чувствуя свое превосходство в силе, снова начал угрожать:

— Эй, смазливый, иди заberi карту!

— А почему ты сам не идешь? — Линь Цинъюй ответил лениво и беззаботно, совершенно не боясь здоровяка.

У Линь Цинъюй тоже была неплохая фигура: его мышцы были рельефными, но не чрезмерными, в них чувствовалась грация и жизненная сила. Однако по сравнению с громилей он казался куда более хрупким.

— Если не пойдешь, закончишь так же, как тот слабак!

Линь Цинъюй бросил взгляд на свирепое лицо громилы, затем на женщину-трупа, которая почти закончила свою трапезу, и уголки его губ приподнялись. Он неспешно направился к зрителю, не проявляя ни капли страха даже при приближении к мертвецу.

То ли ему повезло, то ли причина была в чем-то ином, но карту он достал без труда.

Как только он забрал ее, громила рявкнул:

— Бросай карту сюда!

Линь Цинъюй усмехнулся:

— С чего бы мне отдавать тебе то, что добыл я?

Похоже, никто не ожидал от него такой твердости. Громила на мгновение опешил, а затем судорожно сглотнул. И дело было вовсе не в дерзости — просто улыбка Линь Цинъюй оказалась до того ослепительной, словно распустившийся цветок: яркой, притягательной и лишенной всякой вульгарности. Эта красота не знала пола.

Не только громила, но и остальные затаили дыхание, глядя на него с восхищением.

Здоровяк передумал требовать броска и двинулся к нему:

— Советую не упрямиться. Если к тому моменту, как я подойду, карта не будет у меня в руках, не плачь потом.

На его угрозы и похотливый блеск в глазах Линь Цинъюй лишь стоял на месте с невозмутимым видом. Когда громила с разбегу бросился на него, Линь Цинъюй резко ударил его ногой, заставив отшатнуться.

В следующее мгновение здоровяк почувствовал холод в спине и острую пронзительную боль.

— А-а-а-а!

Никто не заметил, когда именно стих чавкающий звук и когда подошла женщина-труп. А может, заметили, но предпочли промолчать.

Линь Цинъюй смотрел на мужчину, который отчаянно извивался, пытаясь сбросить с себя ожившего мертвеца, и слегка улыбнулся. В этот момент он был похож на прекрасного призрака, пришедшего за душой:

— Так кто же... в итоге будет плакать?

В ту же секунду раздался целый хор звуков: тела вокруг начали шевелиться, пытаясь подняться. Множество мертвецов одновременно восстали из мертвых — от этого зрелища кровь стыла в жилах.

Линь Цинъюй больше не смотрел на громилу. Он быстрым шагом подошел к лифту и приложил карту к считывателю. Раздался звуковой сигнал, лифт пришел в движение, и тяжелые двери начали разъезжаться.

В этот момент тонкий детский плач заставил Линь Цинъюя замереть на пороге кабины.

<http://bllate.org/book/20571/2055501>